

Текст · 23 мая 2022, 15:59

Джошуа Яффа,

«Вы тут ненадолго». — «Мы тут навсегда». Репортаж New Yorker об оккупированном Мелитополе

«Медиазона» продолжает переводить на русский серию репортажей, которые пишет из Украины корреспондент *New Yorker* Джошуа Яффа. Мы уже публиковали его материалы про [первые две недели российского вторжения](#), [события в селе Новый Быков](#) и [осаду Чернигова](#).

Новая статья посвящена Мелитополю, который вынужден жить под российской оккупацией с середины марта: похищения, угрозы, предательство и «залупа-машины» на улицах. В оригинале материал [опубликован](#) 16 мая; русскоязычные цитаты сверены с оригиналами самим Яффа.

Утром 24 февраля мэр Мелитополя Иван Федоров проснулся затемно от звуков взрывов. Он подумал, что началась гроза, и снова заснул. «У меня даже в воображении не было, что больной на голову человек может в XXI веке в центре Европы стрелять ракетами», — говорит он. Вскоре его окончательно разбудил звонок дежурного сотрудника. Город бомбят, сказал тот.

Бомбили военную базу 25-й бригады транспортной авиации украинских ВВС. В последние годы летчики из этой части участвовали в миротворческой миссии ООН в Демократической республике Конго и

доставляли топливо на датскую научную станцию в Гренландии. Россия пыталась захватить эту базу, чтобы перебрасывать на нее персонал и технику для своей наземной операции. Крылатые ракеты разрушили диспетчерскую вышку и топливозаправочный пункт. Украинские летчики пытались поднять свои самолеты в воздух прежде, чем их уничтожат на земле. Через несколько минут после начала обстрела погиб авиатехник: ракета попала по транспортному Ил-76, который он готовил к взлету.

На рассвете около сотни человек уже стояли на пороге местного отделения территориальной обороны, чтобы записаться добровольцами. Украинский офицер вынул из кобуры пистолет и положил его на стол. «Это единственное оружие, которое у нас здесь есть», — сказал он и отправил добровольцев домой. В тот же день 25-й бригаде было приказано оставить Мелитополь — тактическое отступление.

«Было больно, — рассказывает Марина Родина из медсанчасти. — Мы знали, что город надеется на нас». Но в бригаде, которая занималась логистикой, было пять сотен летчиков и персонала, но никакого тяжелого вооружения, только автоматы Калашникова и гранатометы. Марина Родина и ее сослуживцы могли только надеяться, что, если украинские военные уйдут, обстрелы Мелитополя прекратятся.

Федорову, который уже был в мэрии, об уходе военных сообщили по телефону. «Представляете ситуацию, — рассказывает он. — Я мэр города с населением сто пятьдесят тысяч. Триста тысяч — население региона.

4 часа вечера, темнеет. На въезде в город — русские танки. В городе из безопасности — никого. У тебя есть пять мусоровозов, три грузовика и саперная лопатка, наверное. Все. Ни одного человека с оружием у тебя нет».

На следующее утро по городским улицам уже двигались российские танки и бронетранспортеры. Военные заняли здание областной администрации и управление Службы безопасности Украины (СБУ). «Российские подразделения совершили марш и, не встречая сопротивления, вошли в Мелитополь», — заявили в российском министерстве обороны. Военные расклеили по городу листовки с обращением Владимира Путина к гражданам Украины: «Сегодняшние события связаны не с желанием ущемить интересы Украины и украинского народа, они связаны с защитой самой России от тех, кто взял Украину в заложники и пытается использовать ее против нашей страны и ее народа. Я призываю вас к взаимодействию, чтобы как можно скорее перевернуть эту трагическую страницу и вместе двигаться вперед».

Еще российские военные распространяли листовки с инструкциями о том, как вести себя местным жителям во время «спецоперации». Украинцам было велено держаться подальше от российских солдат и их бронетехники, пропускать их на дорогах и не носить оружия. Чтобы избежать «пропаганды и дезинформации из Киева», говорилось в листовках, жителям Мелитополя следует настроить у себя российское государственное телевидение и подписаться на телеграм-канал пропагандиста

Владимира Соловьева. По радио водители слышали на местных радиочастотах российские передачи, на одной частоте снова и снова повторялась в записи речь Путина.

Иван Федоров. Фото: Reuters

Мелитополь — сельскохозяйственный центр, он славится своими медом и черешней. Местное население в основном русскоязычное. В последние годы, рассказывает Федоров, властям удалось привлечь финансирование Евросоюза и запустить проекты по благоустройству. В Мелитополе появились новые каток, бассейн, инфекционная больница с новейшим оборудованием. Новый образ города все меньше и меньше напоминал Россию и — в особенности — советский период.

Сам Федоров, триатлонист с мальчишеской улыбкой, коротко стриженными каштановыми волосами и торчащими ушами, был олицетворением нового поколения демократических лидеров Украины. Он победил на выборах в городской совет Мелитополя,

когда ему было немного за двадцать, а в 2020 году, в 32 года, победил на выборах мэра. «Люди перестали жить прошлым и начали верить в будущее», — говорит он.

Сергей Прийма. Фото: личная страница в Facebook

Теперь город оккупирован российскими войсками. Пока в 150 километрах к востоку русские солдаты громили Мариуполь, уничтожая целые жилые кварталы, штурм Мелитополя был совсем не

таким жестоким — но все же масштабным. Город полностью блокировали: не было подвоза продуктов и лекарств (разве что из районов, уже находящихся под контролем России), не было наличных денег в банкоматах. Российские солдаты были повсюду, они патрулировали улицы и устраивали допросы случайным прохожим. Глава Мелитопольского райсовета Сергей Прийма как-то ехал по одной из улиц на окраине города, когда его остановили на блокпосту. Прийма спросил у одного из солдат, на вид не старше двадцати, что он там делает. «Мы пришли освободить вас, — ответил тот. От кого?» — спросил Прийма. Солдат ничего не ответил.

С началом оккупации Федоров обосновался во временной штаб-квартире в старом советском ДК на главной площади Мелитополя. Он оказался в странном положении. Российские войска контролировали город, но он по-прежнему был мэром. Поначалу Федорову говорили, что он сможет спокойно работать. Однажды его, угрожая оружием, привели на встречу с группой высокопоставленных российских чиновников. «Вы тут ненадолго», — сказал он им. Один ответил: «Мы тут навсегда». «Вы выполняете свои функции дальше, мы выполняем свои», — сказал другой.

Федоров начал ежедневно записывать видеообращения для горожан, рассказывая, где можно найти продукты и наличные деньги. Когда перестали ходить городские автобусы, он призвал бесплатно подвозить врачей. Подобно Владимиру Зеленскому, демонстративная непреклонность

которого в видеообращениях с первых дней вторжения спланивала украинцев, Федоров пытался воодушевлять горожан. 1 марта он снимал видео в центре социального обслуживания, где нуждающиеся могли бесплатно получить еду и одежду. «Мелитополь не сдался, — заявил он. — Мелитополь временно оккупирован».

Решив вторгнуться в Украину, Путин рассчитывал на легкую победу. Многие эксперты предсказывали, что за неделю его грозная армия подавит любое сопротивление, задержит или, при необходимости, убьет Зеленского и установит в Киеве пророссийский марионеточный режим. Вместо этого украинские военные — не без помощи западного оружия и разведданных — дали российской армии отпор и нанесли значительные потери.

Тем не менее, Россия продвигается вперед в Донбассе, а благодаря превосходству на море хочет создать сухопутный коридор в Крым. Под оккупацией оказались многие города на юго-востоке Украины, в том числе Мелитополь. В Бердянске на берегу Азовского моря российские войска заняли порт и принимают российские корабли. Во время непродолжительных, но ожесточенных боев за Энергодар ракеты и снаряды падали в опасной близости от местной атомной электростанции, крупнейшей в Европе. После того, как город был захвачен, руководителям станции сообщили, что теперь они работают на Росатом. 2 марта пал первый крупный украинский город — Херсон, где живут 280

тысяч человек. Недавно там побывал глава фракции «Единой России» в Госдуме Андрей Турчак, который заявил: «Россия здесь навсегда. В этом не должно быть никаких сомнений».

Порт в Бердянске во время пожара на одном из российских кораблей, предположительно подбитом украинской стороной, 24 марта 2022 года. Фото: AP

Города юго-востока Украины по причинам географического и исторического характера по большей части являются русскоязычными. Но их неспособность противостоять оккупации отнюдь не была обусловлена культурной общностью. Близость к Крыму означала, что Россия могла без проблем доставлять в регион оружие и технику, не сталкиваясь с теми логистическими трудностями, которые помешали ей на севере. К тому же в здешних степях украинцам труднее было устраивать засады, с помощью которых они прореживали российские колонны вокруг Киева. В Херсоне, как и в Мелитополе, украинские командиры предпочли отступить и не рисковать потерями целых подразделений с крайне малыми шансами на победу.

«Если бы российские войска пришли в Мелитополь в 2014 году, их бы действительно встретили хлебом-солью», — рассуждает Федоров. Но с тех пор путинская агрессия изменила настроения в обществе. Когда-то Мелитополь был крупным перевалочным пунктом для отдыхающих, которые ехали в Крым, но эта связь была практически оборвана после аннексии полуострова. Восемь лет войны в Донбассе еще больше охладили чувства местных к соседям. «Мы не хотели, чтобы Мелитополь превратился в банановую республику, — говорит 22-летний айтишник Влад Прийма, сын Сергея Приймы. — И мы понимали, что именно этого нам следовало ожидать под властью России».

Первая массовая акция протеста против оккупации Мелитополя состоялась 2 марта. Несколько сотен человек собрались на площади Победы в центре города, скандируя «Мелитополь — это Украина!». По словам Евгения Покопцева, который участвовал в демонстрации, поначалу российские военные «казались растерянными, как будто не ожидали ничего подобного». Но когда протестующие подошли к зданию СБУ, находившиеся внутри солдаты открыли предупредительный огонь. Один из демонстрантов был ранен в ногу. На следующий день по центральным улицам Мелитополя ездили российские бронемашины, из которых ревели громкоговорители: «Военно-гражданская администрация Мелитополя в целях предотвращения правонарушений и обеспечения общественного порядка временно запрещает митинги и демонстрации. С 18:00 до 6:00 вводится комендантский час».

Но протестующие не сдавались. Ежедневно в полдень они собирались и шли по городу, распевая гимн Украины и призывая оккупантов уйти. В ответ российские солдаты кидали в демонстрантов дымовые шашки и гонялись за людьми по улицам. Покопцев рассказал мне, как однажды среди всеобщего хаоса российские солдаты выхватили из толпы десяток протестующих, отвезли их за двадцать километров от города и оставили в чистом поле: «Их целью было максимально напугать людей».

Протесты заряжали Федорова оптимизмом, но он переживал за их участников. «Я знаю, каким образом в Российской Федерации реагируют на митинги, что делают с жителями, что делают с людьми. Я это четко понимаю», — говорит он. В одном из своих видеообращений мэр призывал жителей города сохранять мир и не противостоять военным: «Наша задача — спасти ваши жизни».

Раз в несколько дней к Федорову приходили представители российских властей и требовали прекратить демонстрации. Это была чистая проекция, приписывание собственного образа мышления другим: в России власть либо не признает сам факт существования протестов, либо полагает их делом рук внешних сил. По словам Федорова, для украинцев протест — «в ДНК народа». Если человеку не нравится президент или мэр, он выходит на улицу и говорит об этом. «Они не верили, что я не организовываю митинги и не плачу за них. — рассказывает Федоров. — Говорят: "Остановите митинги!" Я говорю: "Не могу"».

Днем 11 марта, через две недели после начала оккупации, когда Федоров сидел у себя в кабинете в доме культуры, туда ворвался десяток российских солдат с автоматами. Их лица были скрыты балаклавами. Ему связали руки за спиной, надели на голову черный мешок и сообщили, что против него возбуждено уголовное дело в Луганской народной республике. Его обвинили в финансировании «Правого сектора» — националистической группировки, главной страшилки кремлевской пропаганды, «нацистов» из кремлевских мифов.

«Вы шутите?» — спросил Федоров.

«Нет, не шутим», — ответил один из военных. Они вытащили Федорова на улицу и кинули в поджидавший их микроавтобус.

Пока его на полной скорости везли по городу, Федоров считал, сколько поворотов они сделали и когда. «Я хорошо знаю город», — объясняет он. Даже с завязанными глазами он догадался, что его доставили в полицейское управление, которое российские войска заняли в первый день оккупации. Когда с его головы сняли мешок, он оказался в камере один. «Десять шагов в длину, — вспоминает он. — Четыре в ширину».

На следующий день российское военное командование назначило исполняющей обязанности мэра депутатку горсовета Галину Данильченко. Она была ближайшим помощником местного

пророссийского политика Евгения Балицкого-^[1], известного в городе своей привычкой ходить по улицам в советской военной форме. Данильченко записала видеообращение к жителям Мелитополя: «Сейчас нашей основной задачей является подстроить все механизмы под новую действительность. Для того, чтобы как можно быстрее начать жить по-новому». Косвенно намекая на протесты, она добавила: «Несмотря на все наши усилия, в городе есть еще люди, которые пытаются дестабилизировать ситуацию, которые призывают вас к экстремистским действиям. Я вас прошу, пожалуйста, будьте благоразумными, не поддавайтесь на эти провокации».

Ее призывы, однако, не подействовали. К вечеру того же дня более тысячи человек собрались перед зданием областной администрации, скандируя «Свободу мэру!». К тому времени к российским войскам, стоявшим в городе, присоединились ОМОН и ФСБ. Один из охранников признался Федорову: «За каждый митинг нам прилетает с Москвы». «В их картинке мира митинги должны были быть в поддержку России», — объясняет он.

Через два дня после ареста Федорова восемь вооруженных российских солдат пришли домой к Сергею Прийме и обвинили его в организации протестов. Прийма ожидал такого визита. «Они, наверное, за мной тоже придут», — говорил он семье. Солдаты обыскали квартиру. Они велели Прийме собрать смену одежды, личные документы и мобильный телефон, который у него тут же забрали.

Ему связали руки за спиной, надели на голову мешок и увезли на военном грузовике.

Больше месяца жена Приймы Наталья обивала пороги полиции, мэрии, областной администрации в поисках мужа. «Напишите заявление о пропаже», — говорили ей. Она делала это много раз, но ответов не было. Через неделю один из российских солдат в мэрии сказал ей, чтобы она перестала писать обращения. «Мы уже замучились их читать», — сказал он.

В конце концов Наталья добилась приема у только что назначенного россиянами военного коменданта Мелитополя. Он представился как «Сайгон» и сказал Наталье, что его солдаты не имеют никакого отношения к исчезновению ее мужа. «Это дела тех, кто повыше нас», — сказал он.

Наталья связалась с бывшим заместителем мужа в райсовете Андреем Сигутой, который переметнулся на российскую сторону и теперь работает на оккупационную администрацию. Де-факто он занял место Приймы в качестве главы совета. Сын Приймы Влад называет Сигуту «настоящим коллаборантом». Сигута пришел во двор дома, где живет семья Приймы, чтобы встретиться с Натальей. Он начал рассказывать, что пытался предупредить ее мужа, убедить его «не так агрессивно» относиться к россиянам, занявшим город. «Я сделал правильный выбор, и, смотрите, у меня все хорошо, — говорил он. — А Сергей сделал неправильный выбор, и теперь он в подвале». В итоге Сигута лишь расплывчато дал

понять: «Решение о том, когда и как его освободить, еще не принято».

Тем временем Федорова в полицейском управлении подвергали бесконечным допросам. Тюремщики пытались вынудить его уйти в отставку, передав полномочия Данильченко. В какой-то момент Федоров спросил, зачем они пришли в его город. У них было три объяснения, вспоминает он: защитить русский язык, защитить украинцев от нацистов и не допустить неуважительного обращения властей с ветеранами Второй мировой войны. «Это смешно и абсурдно», — говорит Федоров. Он рассказал охранявшим его солдатам, что 95% жителей Мелитополя говорят по-русски; что он всю жизнь прожил в городе и никогда не видел нацистов; что, по его подсчетам, в Мелитополе проживают 34 ветерана, почти всех он знает лично, у него в телефоне записаны их номера и он старается почаще навещать их. Но его тюремщики, похоже, всерьез считали, что Украиной правят фашисты. «Они искреннее в это верили. Как в мантру. Это зомбированные люди», — говорит Федоров.

Атмосфера опасности и насилия была осязаемой. Ночью Федоров слышал крики людей, которых пытали. Российские военные говорили, что это украинские диверсанты, пойманные в городе после комендантского часа. «Рядом в камере пытали человека и ломали ему руку, — рассказывает Федоров. — Через один метр. Что им стоит зайти сюда и делать то же самое?»

Через пару дней тон допросов изменился. Среди украинцев Федоров стал символом сопротивления оккупации, примером мужества перед лицом вторжения. В своем видеообращении Зеленский заявил: «Захват мэра Мелитополя — это преступление не только против конкретного человека. Не только против конкретной общины. И не только против Украины. Это преступление против демократии как таковой». Федоров чувствовал, что его похитители знали о шумах: его уже не прессовали и не угрожали, интересуясь лишь практическими моментами управления городом. «Они оценили, что они создали себе проблему, и хотели от нее избавиться», — говорит мэр.

Вечером 16 марта, когда уже темнело, в камеру Федорова пришли российские военные. Его решили освободить в рамках обмена пленными. Солдат надел ему на голову мешок и подвел к джипу. Его отвезли в село Каменское, недалеко от линии фронта, где российские и украинские войска сражались за контроль над Запорожской областью. Там его выпустили из машины. К нему подошел сотрудник СБУ, который должен был его опознать. Пока мелитопольского мэра вели на украинскую сторону, навстречу шли девять российских военнопленных. Такую цену администрация Зеленского согласилась заплатить за свободу Федорова.

Труп на улице в Буче, 2 апреля 2022 года. Фото: Ronaldo Schemidt / AFP

Похищения людей стали визитной карточкой вторжения. Только в Мелитополе российские войска задержали не менее трехсот человек. «Цель — извлечь из этого человека некую выгоду, — говорит глава Запорожского областного совета Елена Жук. — А заодно запугать местное население, послать людям сигнал: "Мы сейчас власть, мы тут все решаем"». Она пыталась отслеживать судьбу похищенных или пропавших без вести и уверена, что украинским властям известна лишь часть таких случаев: «Мы не понимали, что происходит в Буче, пока российские войска не ушли оттуда. Настоящие масштабы зверств и насилия мы осознаем лишь после того, как вернем наши территории».

В Мелитополе аресты и похищения затронули, в основном, людей, занимавших выборные должности, активистов, бизнесменов — тех, кого считали влиятельными или способными формировать

местное общественное мнение. Сергея Прийму в итоге освободили в конце апреля, но другим повезло меньше. Например, владельца местного продуктового магазина задержали, когда он начал раздавать людям бесплатную еду: гуманитарную помощь российские военные считали своей прерогативой. Солдаты конфисковали его машину и ключи от магазина. Спустя полтора месяца о нем по-прежнему ничего не известно.

Оккупантов, похоже, особенно интересуют военкоматы: там они ищут списки участников боевых действий, которые, с их точки зрения, могут представлять угрозу. «Им достаточно найти дворника и приказать ему или ей под дулом пистолета открыть комнату, где хранятся бумаги», — говорит Жук. В Мелитополе получить доступ к документам оказалось даже проще. Украинский офицер из городского военкомата перешел на сторону оккупантов и передал российским военным списки с сотнями фамилий.

Местный ветеран войны на Донбассе, попросивший называть себя Олексой, признается: после оккупации Мелитополя он был уверен, что за ним придут. «Если юг Украины останется под их контролем, — думал он тогда, — я не выживу». Он прятался в домах друзей и родственников, пока не нашел возможность выехать из города. Но по пути машину остановили на блокпосту, где стояли солдаты Донецкой народной республики. Угрожая оружием, они приказали ему выйти из машины.

Военные отвели его на ближайшую базу. Там его избили, стреляли из пистолета прямо над ухом. Затем его вывели в поле, дали лопату и приказали копать могилу. Когда Олекса наполовину скрылся в яме, один из солдат прострелил ему ногу, а другой ударил его прикладом по голове. Олекса рухнул на дно ямы и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, его отвезли на бывшую базу 25-й бригады в Мелитополь. Там проводили процедуру, со времен чеченских войн 1990-х известную как «фильтрация» — мрачный эвфемизм, означающий разделение пленных на категории, к каждой из которых применялась различная степень насилия. Как вспоминает Олекса, следователи на авиабазе с энергичным упорством выискивали среди пленников украинских националистов — точнее, тех, кого они считали таковыми. Пленников, принадлежавших к украинским воинским частям вроде «Азова» регулярно избивали и пытали. Некоторых запирали в металлическом сейфе, пока они не теряли сознание, и потом российские армейские врачи приводили их в себя. Олекса отделался относительно легко: российский офицер сказал солдатам, что голова у него уже разбита, так что не стоит бить его слишком сильно.

Примерно через неделю Олексу увезли на восток, в старую советскую колонию под Донецком. Там его держали вместе с десятками украинских солдат, взятых в плен в ходе боев. Еще он встретил мужчину, которого задержали, когда он ехал в Мариуполь, чтобы забрать родных, оказавшихся в осаде. Его машина привлекла внимание российских военных.

Машину они оставили себе, а его — арестовали. Олекса провел в колонии несколько дней, прежде чем его снова перевезли в другое место, уже на территории России. Его поместили в военную тюрьму в Ростовской области. Здесь к пленным относились особенно жестоко, вспоминает он: «Нас били на допросах. Нас били, потому что мы не так стояли. Нас били для удовольствия. Били просто так».

Тюремщики сломали Олексе ребра, его покрытые синяками и кровоподтеками ноги так распухли, что не влезали в ботинки. Потом его перевезли в тюрьму в Воронеже. Там ему дали анкету, где вопросы варьировались от его политических взглядов («Националистические / Патриотические / Безразлично») до отношения к аннексии Крыма. Наконец, российский чиновник показал ему еще один документ, многословный и маловразумительный, но с вполне понятным выводом: трибунал, о котором Олекса никогда не слышал, признал его виновным в военных преступлениях и приговорил к тридцати годам тюрьмы.

Однако вскоре судьба Олексы вновь повернулась на 180 градусов. Его и еще нескольких заключенных украинцев посадили на борт военно-транспортного самолета и доставили на военную базу в Севастополь. На следующий день его отвезли за четыреста километров, к мосту в Каменском, тому самому, где обменяли на российских пленных мэра Федорова.

Светлана Зализецкая — мелитопольское медиа из одного человека, мастер по разгребанию грязи и

бичеванию социальных язв. Она проработала в журналистике два десятка лет, была телеведущей и главной редакторкой местной газеты, а последние девять лет занимается собственным новостным сайтом РИА «Мелитополь», который освещает все, от местной криминальной хроники до урожая черешни.

Светлана Зализецкая. Фото: личная страница в Facebook

РИА «Мелитополь» стало для местных жителей главным источником новостей в условиях оккупации. Как только российские войска заняли город, Зализецкая попыталась выяснить их намерения. «Никто ни к кому не обращался. Ничего не объясняли. Они были сами по себе», — вспоминает она. С начала оккупации ее сайт следил за тем, кто из местных жителей соглашался сотрудничать с назначенной Россией администрацией, и разоблачал многочисленные случаи коррупции и воровства, включая историю о 3 млн украинских гривен (около 6 млн рублей по нанышнему курсу), которые российские войска вывезли из почтового отделения в апреле.

Еще до того, как Галину Данильченко официально назначили временно исполняющей обязанности мэра, она пригласила Зализецкую на встречу. Данильченко явно выслуживалась перед российским командованием. «Городская власть мне не давала тут развернуться и работать, — говорила она и советовала Зализецкой подумать о сотрудничестве с Россией. — Если ты будешь в нашей команде, у тебя будет блестящая карьера аж до самой до Москвы». Зализецкая отказалась. «Я люблю Украину», — сказала она. Но Данильченко все равно настаивала, что Зализецкая должна встретиться с российским комендантом, который хочет ее видеть. «Я понимала, что когда я приду к коменданту, то я оттуда уже не выйду, — вспоминает Зализецкая. — Я умею просчитывать наперед. И я поняла, что нужно уезжать».

Она тайно выбралась из Мелитополя и добралась до города под контролем Украины, который она просит не называть. Какое-то время ей удавалось поддерживать работу РИА «Мелитополь»: она брала информацию в соцсетях и пользовалась своей обширной сетью источников в Мелитополе. Но даже ее российские власти все же сумели заставить замолчать. 23 марта, примерно через неделю после того, как она уехала из города, российские солдаты появились в квартире ее родителей, обыскали дом, забрали сотовые телефоны и арестовали отца. Около десяти вечера Зализецкой позвонили. Она услышала в трубке голос отца и спросила, где он. «В каком-то подвале», — ответил он.

Затем в трубке слышался голос мужчины, говорившего с чеченским акцентом. «Скажи, чтобы она была здесь», — сказал чеченец. Зализецкая сказала, что даже физически не может приехать. Она была в ужасе — и в ярости. «Вы держите пенсионера, больного человека, — закричала она в трубку; у ее отца больное сердце, недавно он перенес инсульт. — Я расскажу об этом всему миру». Чеченец повесил трубку.

Через два дня отец снова позвонил Зализецкой. Было похоже, что он произносит заранее заученный текст: «Света, меня здесь не бьют, ко мне хорошо относятся, все нормально». Она спросила, есть ли у него лекарства; он ответил, что нет. Зализецкая умоляла похитителей освободить отца. Она услышала, как кто-то из военных сказал: «Передай ей, что бы она не писала гадостей».

Вечером того же дня ей позвонил мужчина, представившийся Сергеем. По общей направленности его вопросов Зализецкая предположила, что он из российских спецслужб. Его интересовали подробности о ее сайте: кому он принадлежит, чьи интересы представляет, кто дает ей информацию. Сергей сказал, что Зализецкая должна сотрудничать с российскими властями — или передать им свой сайт: «Вы же понимаете, что все то, что вы пишете про российских солдат, российскую армию — это все неправильно. И не так. Они не такие».

Наконец, Сергей предложил компромисс: если Зализецкая напишет публичный пост о том, что сайт ей более не принадлежит, отца освободят. «Сайт как принадлежал Украине и украинской стороне, так и принадлежит, — говорит Зализецкая. — Я никакого сотрудничества с оккупантами не вела, не веду и не собираюсь вести». Тем не менее, она написала пост. Через полчаса ей пришла смска с вопросом, куда отвезти ее отца. Домой, ответила она. На следующее утро Зализецкая получила фотографию отца, который стоял у себя в саду.

В апреле, когда шел второй месяц российской оккупации Мелитополя, Данильченко пыталась создать видимость нормальной жизни: она вновь открыла ледовый дворец, возобновила работу коммунальных служб. В интервью крымскому новостному агентству она поблагодарила российскую армию за то, что она «так нежно

и аккуратно» вошла в город. В беседах с горожанами она то и дело сбивалась на интонации родителя, который пытается ласково вразумить своих детей. В одном из видеообращений Данильченко заявила, что город заменяет украинские телеканалы на российские: «Сегодня мы ощущаем острый дефицит в получении достоверной информации. Перенастраивайте свои телеприемники и получайте правдивую информацию».

Большинство городских супермаркетов не работало, не говоря уж о кафе и ресторанах. В аптеках заканчивались лекарства. Украинские власти пытались отправлять гуманитарные конвои с продовольствием и медикаментами, но российские солдаты перехватывали и конфисковывали их. Стихийный рынок работал каждый день, там можно было купить свежее мясо и другие продукты, но возможности получить наличные деньги практически не было. Особенно эта проблема коснулась пенсионеров, которые получают пенсии на банковские карты. Данильченко обещала переход на российские рубли, но их в городе было слишком мало. Бензин стоил дорого, и его было не достать. Черный рынок держали российские солдаты и спекулянты.

Местные предприятия, особенно сельскохозяйственные, все чаще жаловались на массовые хищения. Российские солдаты вломились в торговый зал компании «Агротек» и украли сельхозтехнику стоимостью более чем в миллион евро. В числе похищенного оказались два современных комбайна, трактор и сеялка. Через несколько дней по *GPS*-трекерам удалось обнаружить

их местонахождение — один из сельских районов Чечни. По словам Федорова, новые власти стали вынуждать производителей зерна отдавать большую часть урожая, который грузовиками везут через границу в Россию.

Связь стала работать медленнее. Мобильные телефоны ловили сеть с перебоями. Горожане все чаще пристраивались у дверей давно закрытых кафе, где еще продолжал работать *Wi-Fi*. Однажды мне все же удалось связаться с Михаилом Кумоком, издателем местной газеты «Мелитопольские ведомости». Его тоже ненадолго задерживали российские военные. Группа вооруженных людей вывезла его из квартиры в российский штаб для беседы с представителями ФСБ. «Они предлагали мне "информационное сотрудничество"», — рассказал он. Несколько часов сотрудники ФСБ пытались вынудить Кумока «благожелательно освещать события», происходящие в городе. Он отказался: «Я не вижу, о чем здесь можно говорить благожелательно. Вы же все равно не дадите мне писать о том, что происходит на самом деле». Вместо того, чтобы публиковать ложь, он предпочел закрыть газету. «Они ясно дали понять, что, как бы я ни воспринимал происходящее сейчас, для меня ситуация может серьезно ухудшиться», — рассказывает Кумок.

Через несколько дней оккупанты начали печатать фальшивые номера газеты Кумока, используя их для пропаганды среди горожан. В одном из номеров на первой полосе был портрет Данильченко. «Мелитополь привыкает к новой мирной жизни», — заявляла она в интервью газете.

Особое внимание оккупационные власти уделяли городским школам. Очные занятия в городе отменили с первого дня российского вторжения. Многие школьники вместе с родителями уехали из города. Другие учились онлайн, подключались к интернет-урокам в других украинских городах. Подвалы нескольких школ были превращены в бомбоубежища. Открытие учебных заведений стало бы для мелитопольцев сигналом, что жизнь возвращается в нормальное русло. Кроме того, школы стали бы площадкой для одной из главных целей вторжения — насаждения российской версии украинской истории и идеологии.

Артем Шулятьев, директор мелитопольской школы искусств, рассказал мне, что к нему приходил сотрудник ФСБ, представившийся Владиславом. Разговор начался достаточно вежливо. «Вами правят фашисты, — сказал Владислав. — Они притесняют русских. Но так не должно быть, ведь мы братья, славяне». Шулятьев ответил, что, насколько он знает, в Мелитополе нет никаких фашистов. «Вы не понимаете, — сказал Владислав. — Вы ничего не знаете о глобальных планах фашистов». Затем он спросил, есть ли в школе библиотека и есть ли в ней собрание сочинений Ленина: «Это очень важные работы!». Шулятьев ответил, что никакого Ленина у них нет, зачем он в художественной школе? «Ленин не танцевал и не пел».

Владислав перешел к главному: необходимо, чтобы школа возобновила очные занятия. Шулятьев сказал, что это невозможно — ходить на занятия небезопасно, к тому же многие семьи уехали. Владислав был

явно разочарован. «Нас не интересует, чего хотите вы, — заявил он. — Важно, чего хотим мы».

Владислав потребовал, чтобы Шулятьев подумал над его предложением: «Мы будем ждать, когда вы сообщите нам о своем решении». Шулятьев с женой и двумя детьми собрали вещи и уехали из Мелитополя.

Начальником мелитопольского управления образования Данильченко назначила директора местного техникума Елену Шапурову. В конце марта та собрала директоров школ на совещание. Присутствовавшие педагоги заранее посовещались и решили подать в отставку — ни один из них не хотел работать с оккупационными властями. Стоя на крыльце техникума, Шапурова умоляла их возобновить занятия, вновь и вновь приглашая пройти внутрь. Директора отказались. Внезапно появилась Данильченко в сопровождении людей в масках с автоматами. Они попытались загнать педагогов внутрь здания.

«Мы просто развернулись и ушли», — рассказал один из директоров. Это явно взбесило Данильченко. Она погналась за ними и закричала: «Тогда мы вышвырнем вас всех из города!»

Педагоги хотели встретиться на следующий день, чтобы решить, что делать. «Мы были в шоке», — говорит мой собеседник. Но наутро по городу разнеслась весть: четверых директоров школ забрали прямо из квартир. Один из них позже рассказал мне, что их держали в неотапливаемом гараже, где за стеной, судя по звукам, кого-то избивали. Они провели в этом гараже две ночи, после чего их

вывезли за 25 километров от города. «Вы отказались сотрудничать с нами, поэтому вы наказаны, — сказал им какой-то военный. — Вы высланы из Мелитополя, возвращаться вам запрещено».

В конце концов Данильченко добилась своего, по крайней мере — отчасти: школы Мелитополя официально открылись в апреле, хотя фактически уроки проводились лишь в немногих из них. Уровень посещаемости был мизерным. Шулятьеву рассказывали, что в его школу в эти дни ходит около двадцати учеников. До вторжения их было более пятисот. Тем временем Данильченко объявила, что из центральной библиотеки Мелитополя будут изъяты «псевдоисторические книги, пропагандирующие националистические идеи», а на полках появятся только «книги, которые рассказывают правдивую версию истории». В сюжете, показанном пророссийскими пропагандистскими телеканалами, муж Шапуровой, бывший пауэрлифтер, назначенный директором начальной школы, показал книгу «Украина — не Россия» президента Украины Леонида Кучмы. Как пример того, какие книги следует запретить.

Мелитополь, судя по всему, покинула почти половина населения. «Я прекрасно понимаю людей, которые уезжают, — говорит Федоров. — Мы привыкли жить в другом обществе. С другой ментальностью. С другими свободами, ценностями. А нам пытаются привить новые. Люди не согласны с этим».

Первым пунктом назначения для беженцев становится город Запорожье, областной центр в ста с лишним километрах к северу от Мелитополя. С началом войны здешний «Эпицентр» — крупный украинский сетевой магазин товаров для дома и сада — стал главным центром приема беженцев, прибывающих с оккупированных территорий на юге страны. Волонтеры раздают чай и еду, медики помогают больным и раненым, а полиция внимательно отслеживает вновь прибывших в поисках коллаборационистов и диверсантов.

Беженцам бывает очень непросто выбраться из городов, оказавшихся под российской оккупацией. Из Мариуполя, где по некоторым оценкам погибли до десяти тысяч человек, российские войска гарантируют безопасный проход только в одном направлении — в Россию. Те, кто хочет попасть на украинскую территорию, вынуждены пробираться по дорогам под постоянными бомбежками — российские войска нередко стреляют в сторону машин с беженцами. Я видел, как на стоянку «Эпицентра» подъехали несколько автомобилей с разбитыми лобовыми стеклами и пулевыми отверстиями в корпусе. Маршрут из Мелитополя идет через линию фронта, где в гражданскую машину может попасть случайный снаряд или ракета. На российских блокпостах пассажиров-мужчин заставляют раздеваться — ищут националистические татуировки и синяки от отдачи автоматов.

На стоянке «Эпицентра» я стал свидетелем прибытия конвоя из Мелитополя. Мест в автобусах было так мало, что некоторым беженцам пришлось ехать в

грузовых кузовах. Машины были набиты людьми под завязку; родители держали детей на коленях. Многие водители приклеили на окна бумажки с надписями «Дети», сделанными от руки.

Богдан и Юля Шаповаловы, бежавшие из города с двумя детьми, раньше жили в Донецке. Но в 2014 году, когда к власти пришли поддерживаемые Россией отряды, они бежали в Мелитополь. Им нравились городские парки и школы, европейская атмосфера города. «Мы не хотели оттуда уезжать, но там тяжело дышать», — рассказала мне Юля. Теперь они планируют отправиться в западную Украину. «Мы можем вернуться в Мелитополь, — говорит Юля. — Если там будет Украина».

Недалеко от нас присели попить чаю и перекусить две женщины с дочерьми-подростками. Я спросил, что заставило их бежать из города. «Туда как будто вернулись девяностые», — ответила одна из женщин, Лариса. Вместо того, чтобы ехать в супермаркет, она таскала сумки с рынка. Очереди были везде. По улицам разъезжали российская бронетехника, часто с нарисованной на борту буквой Z. Лариса даже придумала для них название — «залупа-машины». «Мы понимали, что это не на пару месяцев, а гораздо дольше», — говорит Лариса. В течение трех дней они безуспешно пытались преодолеть блокпост на окраине Мелитополя. Лишь с четвертой попытки их пропустили.

Ивану Федорову тоже удалось добраться до Запорожья. Он устроил себе рабочее место в здании областной администрации, бетонном строении

советской эпохи на главной городской площади. У него огромный министерский кабинет, просто обставленный, типично чиновничий, с украинским флагом в углу. Но Федоров не планирует здесь обжиться — он настаивает, что здесь ненадолго. «Я думаю, что следующее интервью мы сделаем уже в Мелитополе — украинском Мелитополе», — сказал он, и его слова прозвучали как мантра или еврейская традиционная фраза «В следующем году в Иерусалиме».

В каком-то смысле жизнь Федорова изменилась мало. Он общается с сотрудниками водоканала, газовой компанией, мелитопольскими бизнесменами, обеспокоенными гражданами — только теперь по телефону и видеосвязи. Сотни госслужащих до сих пор формально подчиняются ему, многие городские расходы требуют его подписи. По его словам, поддерживать работу городских структур, не помогая при этом оккупантам, — задача нетривиальная. «Основная задача — делать все, чтобы оккупанты себя чувствовали максимально некомфортно. Чтобы они были, как на горячей сковороде. Но чтобы при этом люди — не пострадали. Это тонкая грань», — объясняет он.

Федоров по-прежнему записывает видеообращения, рассказывает об оккупации города и военных действиях в целом. Украинской армии удалось отбить несколько сел вблизи оккупированного Херсона. В Мелитополе партизанами «ликвидировано» до сотни российских солдат, рассказал Федоров со ссылкой на украинскую разведку. Но, с учетом географии и военных реалий региона, может пройти некоторое

время, прежде чем начнется полномасштабная операция по возвращению города.

Тем временем российские войска и их ставленники из всех сил пытаются закрепиться в Мелитополе. В преддверии 9 мая Галина Данильченко с большой помпой объявила, что украинский флаг на главной площади будет заменен флагом Красной армии. На зданиях в центре города появились красноармейские звезды. На исторической городской арке повесили транспарант с надписью «Слава победителям!». По словам Данильченко, цель состояла в том, чтобы отменить украинскую политику «декоммунизации». «Представители нацистской украинской власти препятствовали нам праздновать этот праздник, — заявила она в видеообращении. — Киевская власть взяла все, что для нас было дорого, было близко, ценно, то, что мы любили — они все это уничтожили. А мы все это восстановим».

Утром 9 мая Данильченко в сопровождении съемочной группы принесла букет белых роз к городскому мемориалу Великой Отечественной войны. Во время краткого выступления она обратилась к мелитопольцам: «Желаю вам радости, счастья и мирного неба над головой». Позже в тот же день в городе состоялось шествие «Бессмертного полка». Советские флаги в толпе перемежались с российскими триколорами. Многие участники марша прикрепили к одежде георгиевские ленты. Вечером праздничного дня для горожан устроили салют. И вновь под темным небом Мелитополя эхом разнеслись звуки взрывов.

Автор: Джошуа Яффа

Оригинал: "[A Ukrainian City Under a Violent New Regime](#)"; New Yorker, May 16, 2022

Перевод: Мария Портянская

1. В мае российские власти назначили Балицкого «губернатором Запорожской области».